

АВТОР В КНИГЕ «СТОЛИЦЫ МИРА» П.Д. БОБОРЫКИНА

AUTHOR IN THE BOOK «CAPITALS OF THE WORLD» BY P.D. BOBORYKIN

T. Popova

Summary. The purpose of the paper is to research the specifics of author's presence and image in the «Capitals of the World» memoirs trilogy by P. D. Boborykin (1836–1921), based on the modern state of author's image theoretics in Russian theory of literature. The analysis of particular chapters allows us to conclude that author's image in the book is being represented in three different forms: author-narrator, author-analytic and author-observer. Besides, we reveal the specifics of author's image in the book in relation to the specifics of author's image in another two books of memoirs trilogy — «The Eternal City (About Rome)» and «During Half-a-Century (About Russia)», what's also very important for the research of the trilogy.

Keywords: author's presence in the text of large form memories; author-narrator, author-analytic; author-observer; «Capitals of the World»; P. D. Boborykin.

Попова Тамара Павловна

*Соискатель, Национальный исследовательский
Томский государственный университет
tomus19@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе современного состояния теории образа автора в отечественном литературоведении исследуются специфика авторского присутствия и образа автора в книге «Столицы мира» мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина (1836–1921). Анализ отдельных глав позволяет сделать вывод о том, что образ автора в книге представлен в трех ипостасях: автор-повествователь, автор-аналитик и автор-обозреватель. Кроме того, выявляется специфика образа автора в книге по отношению к специфике образа автора в двух других книгах мемуарной трилогии — «Вечный город» (о Риме) и «За полвека» (о России), что важно для исследования трилогии в целом.

Ключевые слова: авторское присутствие в тексте воспоминаний крупных форм; автор-повествователь; автор-аналитик; автор-обозреватель; «Столицы мира»; П. Д. Боборыкин.

«Столицы мира» — вторая книга мемуарной трилогии известного писателя и журналиста конца XIX — начала XX века Петра Дмитриевича Боборыкина. Второй том трилогии посвящен Парижу и Лондону. По собственному признанию мемуариста, «Столицы мира» — «вторая половина воспоминаний, оценок, дум и впечатлений <... > — половина заграничная, западная», которая «обнимает период в целых 30 лет: с 1865 по 1895 г.» [4, с. 5]. Цель данной статьи — определить специфику авторского присутствия и образа автора в этой книге [4, с. 8–14].

Благодаря многочисленным трудам отечественных и зарубежных филологов, культурологов, социологов и психологов XX — начала XXI века в современном литературоведении уже устоялся и закрепился в энциклопедиях и учебниках постулат, согласно которому автор как реальная личность не совпадает с автором произведения. Несмотря на близкую связь образа автора с личностью автора в мемуарном жанре, этот вывод справедлив и для воспоминаний крупных форм, в том числе книги «Столицы мира». Описывая многолетнее пребывание в Париже и Лондоне, П. Д. Боборыкин время от времени излагает фрагменты своей творческой биографии, подробности быта и рабочей обстановки, упоминает переезды из города в город, недомогания, воспрепятствовавшие той или иной встрече, описывает прогулки по Парижу

и Лондону, разные по масштабу события, в которых ему довелось принять участие, практически никогда не скрывая своих оценок и взглядов на ту или иную проблему. В то же время обращает на себя внимание отбор и подача фактов личной жизни для мемуаров. Так, из творческой биографии автора в книге присутствуют упоминания о трёх романах П. Д. Боборыкина (иногда с изложением неизвестных фактов из истории их создания), о его книге «Театральное искусство» и двух постановках пьес, даются ссылки на 15 газетных публикаций, главным образом, в российских журналах. Охотно описывает П. Д. Боборыкин свои встречи со знаменитыми людьми и беседы с ними, упоминает, когда и где получил высшее образование, обучался декламации и риторике, в какие центры культуры, образования, науки и т.п. был вхож. Но при этом своих спутников по путешествиям и собеседников по диалогам с типичными представителями той или иной социальной среды он не редко описывает бегло, а то и редуцирует их имена до инициала, акцентируя внимание читателя на авторских описаниях той или иной социальной группы, а также выводах из состоявшегося разговора.

Внимательный биограф может многое взять из книги «Столицы мира» для написания развёрнутой биографии автора, но о совпадении образа автора книги с личностью П. Д. Боборыкина говорить не приходится. Это обусловлено не только спецификой построения текста

в художественной литературе и документалистике [4, с. 23–24], выбором жанра и его особенностями в конце XIX — начале XX века [4, с. 9–13], но и творческой установкой П.Д. Боборыкина-мемуариста. Он сознательно отвергает исповедальность Ж.-Ж. Руссо и Ф.-Р. Шатобриана из-за «неизлечимой возни со своим «я», как пишет об «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо [5, т. 1, с. 40]. Высоко оценивая талант выдающихся мемуаристов прошлого, П.Д. Боборыкин считает устаревшими и мемуары Ф.-Р. Шатобриана — с «той же постоянной возней со своим «я», приданием особенного значения «множеству эпизодов своей жизни, в которых нет для читателей объективного интереса, после того, как они уже достаточно ознакомились с личностью, складом ума, всей психикой автора этих «Замогильных записок» [5, т. 1, с. 40]. О своём желании создать мемуары, которые были бы объективно интересны читателю, П.Д. Боборыкин пишет в трилогии неоднократно. Не стала исключением и книга «Столицы мира», где во введении эта авторская позиция в очередной раз излагается следующим образом: «Но я не позволил бы себе выпускать в свет целый том *личных* (выделено автором — Т.П.) воспоминаний, если бы они не представляли *общего* (выделено автором — Т.П.) интереса [4, с. 6].

Мемуары — жанр документалистики, безусловно включающий соавторство. В то же время исторический период с его традициями повествования накладывает свой отпечаток на образ автора в мемуарах. П.Д. Боборыкин создавал свою трилогию в период резко возрастающей популярности жанра, когда мемуары считались истинным источником информации, в основу которого заложена память автора, выступающая «как носитель истинных знаний» [7, с. 91]. Словно желая подчеркнуть эту особенность жанра, П.Д. Боборыкин не скрывает, что при написании своей трилогии использует не только дневники, но и собственные газетные и журнальные публикации. Соблюден в его трилогии принцип взаимодействия диахронного описания с синхронным, что справедливо считается важным признаком мемуарного жанра [11; 22]. Уже в исследовании мемуаров П.Д. Боборыкина 1988 года диссертант Т.А. Карпеева называет характерным принцип его наррации — «через свободную, разомкнутую композицию мемуаров» [12, с. 13], а также выделяет одну из ипостасей образа автора — автор-корреспондент [12, с. 6]. Дальнейшие исследования образа автора в трилогии позволяют уточнить и расширить представления об образе автора в книгах П.Д. Боборыкина «Вечный город» (о Риме) и «За полвека» (о России): автор-репортёр, автор-аналитик и автор-обозреватель [18; 19]. Анализ структуры книги «Столицы мира» в рамках обозначенных параметров призван дополнить эти исследования.

В книге — краткое вступление «От автора» и 15 глав. Во вступлении очень коротко излагается информа-

ция об издательской судьбе второго тома мемуарной трилогии, указывается точная датировка пребывания автора в Париже и Лондоне, жанр книги с характеристикой ее как «нечто вроде исторического «документа», который «дает читателю законченную картину» [4, с. 6]. Здесь же, обозначив парадигму автор — читатель, П.Д. Боборыкин характеризует себя как автора книги, формулируя это следующим образом: «русский человек второй половины XIX века, который был поставлен в особо благоприятные условия для продолжительных наблюдений и жизненных испытаний на западе» [4, с. 6]. Казалось бы, параметры образа автора заданы: это автор-повествователь, который впредь будет излагать свои суждения о Париже и Лондоне и жизни в этих городах. Но уже первая глава книги позволяет говорить о многомасочности образа автора книги, расширении его заданных теоретически границ и важной характерной особенностью.

Назначение первой главы — задать общие параметры повествованию объёмом в 520 страниц, и мемуарист даёт оценку Парижу и Лондону как культурным центрам Европы, обосновывает свое право на их сравнение, приводит расхожие суждения иностранцев об обеих столицах, то соглашаясь, то оспаривая их, и в итоге, отдав приоритет истинного суждения историкам будущего, предлагает читателям своих мемуаров считать обе столицы «лабораториями человеческого духа, откуда каждый из нас может извлечь драгоценнейшие указания» [4, с. 16]. Собственно повествования о городах в этой главе нет — она представляет собой анализ ряда мнений и суждений о двух столицах. При этом уточняется и представленная во введении самооценка автора: «русский человек второй половины XIX века». С одной стороны, мемуарист выражает благодарность обоим городам как личности, с другой, предлагая оценивать Париж и Лондон «из своего далёка», прибегает к выражению «мы, русские», тем самым исключая заявленную теоретически датировку границ образа автора [4, с. 10]. Более того, по его мнению, «кроме самого себя нужно взять также в расчет мнения и оценки своих сверстников, а затем и тех поколений, какие пришли после нас», чтобы «всё-таки вчитаться и, насколько позволяет свой опыт и свое разумение, вывести среднюю пропорциональную» [4, с. 10]. Иными словами, постулируется установка автора в процессе наррации не столько быть равным самому себе, сколько аккумулировать мнения многих людей, объединённых единством родины, и излагать их в тексте подобно «голосу масс». Именно это и позволит, как считает П.Д. Боборыкин, обеспечить тексту его книги теоретически заявленную объективность. Таким образом, если во вступлении «От автора» с читателем знакомится автор-повествователь, то в первой главе мемуарист предстаёт перед ним как автор-аналитик.

Следующие 13 глав «Столиц мира» — тематические. Согласно канонам мемуаристики XIX века они, как и первая глава, пронумерованы и не имеют заголовков, но зато снабжены развёрнутыми подзаголовками. Перечисление первых фрагментов этих уточнений в тематических главах позволяет представить масштаб описаний, которые П.Д. Боборыкин предлагает своим читателям: раса, история, национальный вклад жизни во Франции и Великобритании; панорама Парижа и Лондона для иностранца; мир знания и мышления в Париже и Лондоне; политическое движение; литературное движение; искусство; театральное дело; печать; социальный вопрос; служилые классы; семейные нравы; молодёжь и ее воспитание; национальное чувство.

Если внимательно проанализировать, к примеру, главу IX, которую мемуарист посвятил печатному делу, то прежде всего обращает на себя внимание перечень подзаголовков: «Печать — Типы парижских журналистов прежде и теперь — Мои личные знакомства и встречи — Характерные черты парижской и лондонской газетной жизни — Общий нравственный уровень писательского класса в Париже и Лондоне — Заработки — Реклама и подкуп — Шантаж — Отношение к публике — Положение среднего литератора по сю и по ту сторону Кана — Дуэли парижских журналистов — Итоги за 30 лет». Согласно этому перечню строится и текст главы. Иногда автор может вернуться к обозначенному прежде пункту или несколько забежать вперед, но изложение в целом не выходит за рамки заявленных тематических параметров — они выступают в тексте как *симптоматичные*. Поскольку в книге сравниваются два города, то каждый из тематических параметров даётся *в сравнении* друг с другом, а иногда и в сравнении с российской действительностью, с аналогичным положением дел в Америке или других странах Европы, а также *в развитии* за 30 лет. При этом в главе много *выразительных деталей, которые придают тексту наглядность*, отражены *взаимосвязи, еще неизвестные аудитории*. Не вызывают сомнений наличие *определенных, устоявшихся стереотипных подходов, алгоритмов отображения действительности*.

Если говорить об авторе этой главы, то несомненно его *высокий уровень компетенции* в избранной теме, стремление *возбуждать интерес аудитории* к предмету своего изображения, *способствовать совершенствованию «личной стратегии» граждан, обнаруживать в явлениях их сущность, показывать противоречия действительности и через выяснение сущностных связей осмысливать ход общественно-го развития*, а также *способствовать практическому решению проблем общества*. При этом мемуарист *имеет собственную позицию и приводит аудиторию к необходимой идее*.

Размер статьи не позволяет подтвердить цитатами определения и

характеристики, выделенные курсивом в предыдущих двух абзацах, хотя это не составляет особого труда и может быть выполнено с максимальной

полнотой. Важнее отметить, что все тематические главы книги сходны по структуре, отличаясь лишь степенью компетентности автора в той или иной теме (что сказывается на размерах главы и перечня ее подзаголовков), а также присутствием в ряде глав еще одного структурного элемента — «сверхидеи». Выделение курсивом обусловлено тем, что все эти определения и характеристики взяты из современного учебника по журналистике — так автор пособия А.А. Тertyчный обрисовывает для начинающих корреспондентов жанр обзора [21]. Выявление всех признаков этого жанра в тематических главах книги «Столицы мира» позволяет сделать вывод о том, что повествование в них ведет автор-обозреватель. Он, как и было заявлено в первой главе книги, выводит для читателя «среднюю пропорциональную», что и полагается делать журналисту-обозревателю, поскольку, как справедливо отмечает современный исследователь А.П. Аржанов, «журналист выступает от имени общества, с учётом типовых социальных ценностей, даже если речь идёт о высказывании профессионального экспертного мнения по тем или иным проблемам общества (экономика, политика, история). Точно так же прочитывается эта авторская позиция адресатом сообщения» [1, с. 5].

В последней главе книги «Столицы мира» образ автора уже иной. Главная задача этой главы — защитить книгу от нападок извне, и повествование вновь передается автору-аналитику. На этот раз, используя жанр полемической статьи [см. 21], он отстаивает ряд выводов из глав книги, не жалея аргументов и фактов, чтобы, подчеркнув когнитивную направленность книги, вновь подвести читателя к основному выводу о том, что необходимо «перерабатывать внутри себя все лучшее, двигательное и культурное, что идет из Франции и Англии и что нашло себя путём многостороннего и яркого исторического развития, выражения в прошедших судьбах и современной жизни обеих столиц мира» [4, с. 516].

Таким образом, являясь мемуарами, а не автобиографией, книга «Столицы мира» может служить источником для написания биографии П.Д. Боборыкина, поскольку в ней точно датируются и описываются многие факты его жизни в период с 1865 по 1895 годы, а иногда и вплоть до выхода книги в свет в 2011 году. Образ автора во второй книге трилогии мемуариста имеет следующие ипостаси: автор-повествователь (введение), автор-аналитик (главы 1 и 15) и автор-обозреватель

(тематические главы). При этом интенциональный образ автора мемуарного текста [3, с. 180] сохраняет целостность, поскольку имеет единую основу — личность автора со всеми реалиями его жизни и представлениями о мире. Это позволяет ипостасям образа автора, организующим текст в пределах глав, в рамках всего повествования использоваться и восприниматься как серия сменяющих друг друга масок [см. 20, т. 1, с. 242–263; 17, с. 141], благодаря которым читатель может судить, в том числе, об образованности и широчайшем кругозоре П. Д. Боборыкина. Кроме того, образ автора в книге «Столицы мира» подчёркивает специфику образа автора в рамках мемуарной трилогии в целом. В от-

личие от первого тома воспоминаний «Вечный город» (о Риме) и третьего тома «За полвека» (о России), в книге «Столицы мира» текст выстраивает главным образом автор-обозреватель. Такое «доверие» ему со стороны автора-повествователя можно объяснить чрезвычайной близостью этих ипостасей автора друг другу, сходной с близостью профессий писателя и журналиста. Помимо сходства словесного и эстетического инструментария их роднит в мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина и функция, которая отсутствует у других ипостасей образа автора. Это диахронное и синхронное повествование, которое закреплено за ними не только как возможность, но и как право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржанов А. П. Аналитика субъективности журналистского текста. — в кн.: Жанровые особенности публицистики России XXI в. /М-лы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Г. Самара, 13–14 марта 2014. Самара: Порто-Принт, 2014, с. 5–9.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: монография. М.: Инф.-учебный центр гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2014. 270 с.
4. Боборыкин П. Д. Столицы мира. М: Сфинкс, 1911. 520 с.
5. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2-х т. М: Художественная литература. 1240 с.
6. Богатырёва Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой. Дисс. ... канд филол.н. М.: МПГУ, 2009. 175 с.
7. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 504 с.
8. Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
9. Дячук Т. В. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX — начала XX вв. Дисс. ... канд. филол. н. СПб, 2005. 208 с.
10. Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» Герцена и русская мемуаристика XIX в. Автореферат дисс. ... канд. филол. н. /АН СССР, Ин-т мировой литературы им. М. Горького. М., 1968. 16 с.
11. Иванова Е. И. Проблема автора в мемуарно-автобиографической прозе 50–60-х гг. Дисс. ... канд. филол.н. Воронеж, 1972. 19 с.
12. Карпеева Т. А. Мемуарный жанр в творчестве П. Д. Боборыкина. Автореф. дис. ... канд. филол. н. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1988. 16 с.
13. Кознова Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования. Дисс. . доктора филол. н. М., МГОУ, 2011. 492 с.
14. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы /предисл. и составл. В. И. Чулкова. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 1992. 236 с.
15. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 1998. 285 с.
16. Манн Ю. В. Автор и повествование // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. Т. 50 — № 1–1991. С. 3–19.
17. Марьянчик В. А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестник Новосибирского гос. ун-та, сер. История, филология. Новосибирск: НГУ, 2010. Т. 9, № 6, с. 138–144.
18. Попова Т. П. Образ автора в мемуарах П. Д. Боборыкина «За полвека» // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей IV Международных филологических чтений им. проф. Р. Т. Гриб. Вып. 4. Красноярск: изд. СФУ, 2013, с. 207–213.
19. Попова Т. П. Образ автора в книге П. Д. Боборыкина «Вечный город» // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей V Международных филологических чтений им. проф. Р. Т. Гриб. Вып. 5. Красноярск: изд. СФУ, 2014, с. 117–123.
20. Теория литературы. В 2 т. /под ред. Тамарченко Н. Д. М., 2004. Т. 1–512 с., т. 2–368 с.
21. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати. М.: «Аспект пресс», 2006. 312 с.
22. Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы // <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>.
23. Хализев В. Е. Теория литературы, 6-е изд., испр. М.: Академия, 2013. 432 с.
24. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

© Попова Тамара Павловна (tomus19@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»